

О.Генри

Коловращение (сборник рассказов)

ФТМ

О. Генри

Коловращение (сборник)

«ФТМ»

1910

О. Генри

Коловращение (сборник) / О. Генри — «ФТМ», 1910

ISBN 978-5-4467-2311-9

Один из самых известных юмористов в мировой литературе, О. Генри создал уникальную панораму американской жизни на рубеже XIX–XX веков, в гротескных ситуациях передал контрасты и парадоксы своей эпохи, открывшей простор для людей с деловой хваткой, которых игра случая то возносит на вершину успеха, то низвергает на самое дно жизни. «Несколько дней назад мой старый друг из тропиков, Дж. Н. Бриджер, консул Соединенных Штатов на острове Ратоне, очутился у нас в городе. Мы справили юбилей на славу. Несколько дней мы бездельничали, вообще мухобойничали. Когда мы успокоились, мы как-то проходили во время отлива по улице, параллельной Бродвею и пародирующей его. Красивая, светского вида дама прошла мимо нас, держа на сворке сопящее, злобное, переваливающееся существо в образе желтой собачонки. Собака, запутавшись между ногами Бриджера, впилась в его лодыжки рычащими, раздраженными, злобными укусами. Бриджер с радостной улыбкой вышиб из зверюги дух. Женщина окатила нас мелким душем хорошо пригнанных прилагательных (чтобы в нас не осталось никаких сомнений относительно места, занимаемого нами в ее мнении) – и мы прошли дальше. В десяти шагах дальше старуха, с растрепанными седыми волосами и чековой книжкой, хорошо запрятанной под разодранной шалью, попросила милостыню. Бриджер остановился и выпотрошил ей в руки четверть содержимого из своего праздничного жилета...»

ISBN 978-5-4467-2311-9

© О. Генри, 1910

© ФТМ, 1910

Содержание

Теория и собака	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

О. Генри

Коловращение

(рассказы из авторского сборника)

Теория и собака

(Перевод под ред. В. Азова)

Несколько дней назад мой старый друг из тропиков, Дж. Н. Бриджер, консул Соединенных Штатов на острове Ратоне, очутился у нас в городе. Мы справили юбилей на славу. Несколько дней мы бездельничали, вообще мухобойничали. Когда мы успокоились, мы как-то проходили во время отлива по улице, параллельной Бродвею и пародирующей его.

Красивая, светского вида дама прошла мимо нас, держа на сворке сопящее, злобное, переваливающееся существо в образе желтой собачонки. Собака, запутавшись между ногами Бриджера, впилась в его лодыжки рычащими, раздраженными, злобными укусами. Бриджер с радостной улыбкой вышиб из зверюги дух. Женщина окатила нас мелким душем хорошо пригнанных прилагательных (чтобы в нас не осталось никаких сомнений относительно места, занимаемого нами в ее мнении) – и мы прошли дальше. В десяти шагах дальше старуха, с растрепанными седыми волосами и чековой книжкой, хорошо запрятанной под разодранной шалью, попросила милостыню. Бриджер остановился и выпотрошил ей в руки четверть содержимого из своего праздничного жилета.

На следующем углу стояло четверть тонны одетого по последней моде человека, с напудренными рисом жирными, белыми щеками; он держал на цепочке дьявольское отродье – бульдога, передние лапы которого, расположенные одна от другой на расстоянии одной таксы, были незнакомы друг с дружкой. Перед человеком стояла маленькая женщина в прошлогодней шляпке и плакала. Это было, очевидно, все, что она могла сделать; он же ругал ее тихим, сладким, привычным тоном.

Бриджер снова улыбнулся, – исключительно про себя, – и на этот раз он вынул маленькую записную книжечку и сделал в ней заметку. Этого он не имел права делать без должных объяснений, и я так и заявил ему.

– Это новая теория, – сказал Бриджер, – которую я подцепил там, на Ратоне. Натолкнувшись на нее, я стал искать ей подтверждений. Мир еще не созрел для нее, но, так и быть, я расскажу вам. А вы после этого мысленно обегайте всех людей, которых вы знаете, и посмотрите, не окажется ли моя теория действенной.

Итак, я провел Бриджера в одно место, где имеются искусственные пальмы и вина, и он рассказал мне эту историю. Я передаю ее вам моими словами, но под его ответственность.

Однажды, в три часа пополудни, по острову Ратона промчался мальчик, крича: ««Ражго» на рейде!»

Этим он доказал остроту своего слуха и тонкое умение распознавать гудки.

Тот, кто первый на Ратоне слышал гудок и громогласно объявлял об этом согражданам, правильно определив при этом название приближающегося парохода, становился на Ратоне героем и оставался в этом звании до следующего парохода.

Вот почему среди босоногой молодежи Ратоны происходило на этой почве соперничество.

Многие пали жертвами рожков из раковин, в которые дули при входе в гавань с некоторых парусников. Они издавали звук, поразительно напоминавший отдаленные свистки пароходов.

Но многие зато умудрялись назвать вам пароход, когда гудок его звучал в ваших тупых ушах не громче вздоха ветра в ветвях кокосовой пальмы.

В этот день почести выпали на долю того, кто объявил «Рајаго». Ратона наклонила уши, чтобы прислушаться, и вскоре тихое ворчанье парохода усилилось и приблизилось. Ратона увидела, наконец, над линией палм у низкой «стрелки» две черных трубы фруктового парохода, медленно подползавшего ко входу в гавань.

Вы должны знать, что Ратона – остров, лежащий в двадцати милях к югу от одной из южноамериканских республик. Она является портом этой республики. Город сладко дремлет на берегу смеющегося моря, не сеет и не жнет и питается изобилием тропиков, где все «созревает, останавливается и падает готовое в могилу».

Восемьсот человек жителей живут дремотной жизнью в утопающем в зелени поселке, растянувшемся по подковообразному изгибу ее игрушечной гавани. Это большей частью испанские и индейские метисы, с легкой темной примесью сан-домингских негров и светлой – чистокровных испанских чиновников; вы найдете здесь также осадок из трех или четырех пионерствующих белых рас. Никакие пароходы, кроме фруктовых, не заходят в Ратону. Последние подбирают здесь инспекторов с банановых плантаций, отправляющихся на материк, и оставляют воскресные газеты, лед, хинин, сало, арбузы и оспенную вакцину. На этом и заканчивается приблизительно все общение Ратоны с миром.

«Рајаго» замешкался у входа в гавань, тяжело разрезая волны, от которых по гладким внутренним водам гавани разбегались барашки. Две лодки из поселка – одна с фруктовыми инспекторами, а вторая вышедшая, чтобы получить с парохода что придется, – были уже на полпути к пароходу.

Инспектора были подняты на борт вместе с своей лодкой, и «Рајаго» направился дальше, к материку, за грузом фруктов.

Вторая лодка вернулась на Ратону, нагруженная контрибуцией с ледяного погребца «Рајаго», обычным свертком газет и одним пассажиром – Тейлором Планкеттом, шерифом Чэтемского графства, Кентукки.

Бриджер, консул Соединенных Штатов на Ратоне, был занят в официальной хижине под хлебным деревом, в двадцати ярдах от гавани, чисткой ружья. Консул занимал место несколько ближе к хвосту в процессии своей политической партии. Музыка шествовавшего впереди оркестра очень слабо доносилась до него на этом расстоянии. Сливки – хорошие должности – снимали другие. Доля Бриджера в добыче – место консула на Ратоне – была молоко, снятое молоко из департамента распределения общественного пирога. Но 900 долларов в год было богатство на Ратоне. Кроме того, Бриджер пристрастился к охоте на аллигаторов, водившихся в лагуне около консульства, и он не чувствовал себя обиженным.

Он оторвал глаза от внимательного осмотра ружейного замка и увидел перед собой широкоплечего человека, затмившего собою отверстие двери, грузного, бесшумного, неповоротливого человека, загорелого почти до коричневых тонов Ван-Дейка. Человека лет сорока пяти, прилично одетого в костюм из грубого сукна, с жидкими светлыми волосами, коротко подстриженной каштановой с проседью бородкой и бледно-голубыми глазами, выразившими кротость и простодушие.

– Вы будете мистер Бриджер, консул? – сказал грузный человек. – Меня направили сюда. Не можете ли вы сказать мне, что это за такие вроде как тыквы, пучки растут на деревьях там, по краю воды? Чисто метелки из перьев.

– Возьмите этот стул, – сказал консул, смачивая маслом тряпку, которой он чистил ружье. – Не этот – другой. Этот, бамбуковый, не выдержит вас... Это кокосовые орехи, зеленые кокосы. Их кожура всегда имеет зеленоватый оттенок, пока они не созреют.

– Весьма вам обязан, – сказал человек, осторожно усаживаясь. – Мне не хотелось бы рассказывать потом дома, что это оливки, не уверившись в этом как следует. Мое имя План-

кетт. Я шериф Чэтемского графства, Кентукки. У меня в кармане лежат бумаги на выдачу и на право ареста одного человека тут на острове. Они подписаны президентом этой страны и вполне оформлены. Имя этого человека Уэйд Вильямс; он здесь работает по кокосовой части. Он обвиняется в убийстве своей жены, совершенном два года назад. Где я могу найти его?

Консул прищурил один глаз и заглянул в дуло своего ружья.

– Здесь, на острове, нет никакого Вильямса, – заметил он.

– Я и не предполагал, что здесь есть Вильямс, – кротко ответил Планкетт. – Он живет, наверно, под каким-нибудь другим именем.

– Кроме меня, – сказал Бриджер, – на Ратоне есть только два американца: Боб Ривз и Генри Морган.

– Человек, который мне нужен, торгует кокосами, – настаивал Планкетт.

– Видите вы эту кокосовую аллею, которая тянется до самой стрелки? – сказал консул, махнув рукой по направлению к двери. – Это все собственность Боба Ривза. Генри Моргану принадлежит половина деревьев в глубине острова.

– Месяц назад, – сказал шериф, – Уэйд Вильямс написал конфиденциальное письмо одному человеку в Чэтемском графстве, в котором он сообщал, где он находится и как живет. Письмо это было потеряно адресатом и передано лицом, нашедшим его, властям. Меня послали за преступником, снабдив необходимыми бумагами. Я полагаю, что это, несомненно, один из ваших кокосовых торговцев.

– У вас, наверное, есть его фото? Это может быть либо Ривз, либо Морган. Но мне неприятно даже и думать об этом. Они оба прекрасные малые. Вы не встретите таких за целый день езды на автомобиле.

– Нет, – нерешительно ответил Планкетт, – мне не удалось достать никакой фотографии Вильямса, и сам я никогда не видал его. Я шериф только год. Но у меня есть довольно точное описание его примет. Рост около пяти футов одиннадцати дюймов, глаза и волосы темные, нос, скорее, римского образца; широк в плечах, крепкие белые зубы, все в наличии; любит посмеяться, разговорчив, любит выпить, но никогда не пьянеет; при разговоре смотрит прямо в глаза; возраст тридцать пять. К какому из ваших молодцов подходит это описание?

Консул широко улыбнулся.

– Я скажу вам, что сделать, – сказал он, положив ружье и надев поношенный черный пиджак из альпака. – Пойдемте, мистер Планкетт, и я вам покажу обоих парней. Если вы сумеете сказать, к кому из них больше подходит это описание, вы будете иметь надо мной преимущество.

Бриджер вышел с шерифом и повел его по крутому берегу, на котором раскинулись крошечные домики поселка. Сейчас же за домами неожиданно поднимались небольшие, густо поросшие лесом холмы. На один из них, по ступенькам, высеченным в твердой глине, консул повел Планкетта. На самой вершине холма, у обрыва лепился деревянный коттедж в две комнаты, крытый тростниковой крышей. Карибка снаружи стирала белье. Консул подвел шерифа к дверям комнаты, выходившей окнами на гавань. В ней находились два человека без пиджаков, собиравшиеся как раз усесться за стол, накрытый для обеда. Между ними было мало сходства в деталях, но общее описание, данное Планкеттом, могло бы одинаково подойти к обоим. По росту, цвету волос, форме носа, сложению и манерам каждый из них подходил к описанию. Это были два прекрасных образчика жизнерадостных, сметливых, душа нараспашку, американцев, подружившихся на чужой стороне.

– Алло, Бриджер! – воскликнули они в один голос, увидев консула. – Заходите! Пообедаем!

Тут они заметили за спиной консула Планкетта и тотчас же вышли навстречу пришедшим с гостеприимным любопытством.

– Джентльмены, – сказал консул, причем голос его принял необычную официальность, – это мистер Планкетт. Мистер Планкетт – мистер Ривз и мистер Морган!

Кокосовые короли радостно приветствовали нового знакомого. Ривз казался, пожалуй, на дюйм повыше Моргана, но смех у него был не такой громкий. Глаза у Моргана были темно-карие, а у Ривза черные. Ривз был хозяином и начал хлопотать насчет стульев и велел карибке поставить еще два прибора.

Выяснилось, что Морган живет в бамбуковой хижине подальше от берега, но что оба друга ежедневно обедают вместе.

Пока шли хозяйственные приготовления, Планкетт стоял спокойно, кротко рассматривая все кругом своими бледно-голубыми глазами. Бриджер как бы извинялся и чувствовал себя стесненно.

Наконец, два других прибора были поставлены, и гостям были указаны их места. Ривз и Морган стояли рядом, по ту сторону стола, против гостей. Ривз, весело кивнул, приглашая этим всех сесть. Тогда вдруг Планкетт поднял руку повелительным жестом. Глаза его были направлены прямо в промежуток между Ривзом и Морганом.

– Уэйд Вильямс, – сказал он спокойно, – вы арестованы по обвинению в убийстве.

Ривз и Морган обменялись быстрым, открытым взглядом, выразившим недоумение, с долей из удивления. Затем они одновременно повернулись к говорившему с изумлением и искренним укором в глазах.

– Мы не можем сказать, чтобы мы вас поняли, мистер Планкетт, – сказал Морган веселым тоном. – Вы, кажется, сказали: «Вильямс»?

– Что это за шутка, Бриджи? – с улыбкой спросил Ривс, повернувшись к консулу.

Прежде чем Бриджер успел ответить, Планкетт заговорил снова.

– Я объясню, – сказал он спокойно. – Один из вас не нуждается в объяснении, но я делаю это для другого. Один из вас – Уэйд Вильямс из Чэтемского графства, Кентукки. Два года назад, пятого мая, вы убили вашу жену. Это произошло после того, как вы непрерывно в течение пяти лет дурно обращались с ней и оскорбляли ее. У меня в кармане все нужные документы, чтобы увезти вас с собой, и вы поедете. Мы поедем на фруктовом пароходе, который придет завтра, чтобы высадить на берег инспекторов. Я признаюсь, господа, что я не совсем уверен в том, кто именно из вас Вильямс. Но Уэйд Вильямс поедет завтра обратно в Чэтемское графство, Кентукки. Я хочу, чтобы вы это поняли.

Громкий взрыв веселого хохота прокатился над тихой гаванью. Это смеялись Морган и Ривз. Несколько рыбаков из флотилии шлюпок, стоявших на причале, в недоумении посмотрели вверх, где стоял дом этих чертей *americanos*.

– Дорогой мой мистер Планкетт, – воскликнул Морган, подавляя свое веселье, – обед стынет. Позвольте нам усесться за стол и поесть. Я горю нетерпением опустить ложку в этот суп из плавников акулы. Дело после.

– Садитесь, пожалуйста, джентльмены, – любезно прибавил Ривз. – Я уверен, что мистер Планкетт не будет иметь ничего против. Может быть, некоторый срок поможет ему лучше опознать джентльмена, которого он хочет арестовать.

– Конечно, я ничего не имею против, – сказал Планкетт, тяжело опускаясь на стул. – Я и сам голоден. Я только не хотел воспользоваться вашим гостеприимством, не предупредив вас. Только и всего.

Ривз поставил на стол бутылки и стаканы.

– Тут коньяк, – сказал он, – анисовка, шотландское виски и хлебная водка. Прошу! Что кому по вкусу.

Бриджер выбрал водку, Ривз налил себе на три пальца шотландского виски, Морган то же самое. Шериф, несмотря на все протесты, наполнил свой стакан из бутылки с водой.

– За аппетит мистера Вильямса! – сказал Ривз, поднимая свой стакан.

Смех и виски, столкнувшись в горле у Моргана, вызвали у него приступ удушья. Все принялись за обед – очень хорошо приготовленный и вкусный.

– Вильямс! – неожиданно позвал Планкетт.

Все с удивлением оглянулись. Ривз заметил, что кроткие глаза шерифа остановились на нем. Он слегка покраснел.

– Послушайте, – сказал он с некоторым раздражением, – мое имя Ривз, и я не хочу, чтобы вы...

Но комизм положения выручил его, и он закончил смехом.

– Я полагаю, мистер Планкетт, – сказал Морган, тщательно заправляя салат, – что вам это, наверно, известно. Вы импортируете вместе с собой в Кентукки порядочное количество неприятностей, если привезете туда не того человека. Если, разумеется, вы вообще кого-нибудь привезете с собой.

– Благодарю вас за разъяснение, – сказал шериф. – Будьте уверены: я увезу кого-нибудь с собой. И это будет один из вас двоих, джентльмены. Я знаю, что я должен буду отвечать, если сделаю ошибку. Но я попробую не сделать ошибки и захватить именно того, кого следует.

– Я вам посоветую, как быть, – сказал Морган, наклонившись вперед с веселым блеском в глазах. – Возьмите меня. Я поеду без всякого сопротивления. Кокосы в этом году обернулись не особенно прибыльно, и я не прочь был бы подзаработать с вас за неправоное лишение свободы.

– Это будет несправедливо, – вмешался Ривз. – Я заработал только по шестнадцать долларов с тысячи на последней отправке. Возьмите меня, мистер Планкетт.

– Я возьму Уэйда Вильямса, – терпеливо сказал шериф.

– Это похоже на обед с привидением, – заметил Морган, притворно вздрогнув, – да еще с призраком убийцы. Не желает ли кто-нибудь передать зубочистку мрачной тени мистер Вильямса?

Планкетт сидел совершенно невозмутимо. Можно было подумать, что он обедал за своим собственным столом в Чэтемском графстве. Он был большим гастрономом, и странные тропические кушанья приятно щекотали его нёбо. Грузный, ординарный, почти ленивый в своих движениях, он, казалось, был лишен всякой хитрости и сметки ищейки. Он даже перестал следить с какой бы то ни было зоркостью, или мало-мальской наблюдательностью за двумя мужчинами, одного из которых он намеревался с страшной самоуверенностью арестовать по тяжкому обвинению в убийстве жены. Перед ним действительно стояла задача, готовившая ему, в случае неверного решения, серьезное поражение. И тем не менее он сидел, всецело, по-видимому, поглощенный необычным ароматом котлеты из игуаны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.